
Сергей СЛЕПУХИН

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Жрецы и птицы, самоузнавание...
Свет аллилуйя тает над холмом.
Быть вечным... Не припомню колдованья.
Хотя стой! — В стихах про майский гром.

Ты скажешь: Тютчев, Геба, солнца нити,
Громокипящий кубок, ручеек...
И — легкость в мыслях, полон мир событий.
Спасенье — есть! И — безразмерен срок!

Метнулся дрозд из-под ноги проворно,
Планшетка чуть не выпала из рук.
Фонтан поет залиvisto: Buongiorno!
И больше не хромает акведук!

Настало утро, поднимают ставни,
Вновь убирают стулья со столов,
Уходит тень в приют свой стародавний
Под благовест больших колоколов.

И все поет и шепчет: ближе, ближе!
Спешу в объятия, очнешься ото сна!
Ты не в каком-то ветреном Париже!
Ты — в Риме! В Риме — вечная весна!

НЕАПОЛЬ

Когда один вагон стремится в рай,
Другой всегда спускается обратно,
Места заполнены, смотри не умирай,
Еще успеешь, не пойми превратно.

На юг, на юг, чтоб там сойти с ума,
В зной раскаленный, солнечное тесто!
Автобусы — стеклянные дома —
Лежат пластом в прострации. Сиеста.

Сергей Викторович Слепухин родился в 1961 году в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт. Стихи и эссе публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Белый ворон», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый берег», «Новый журнал», «Новая камера хранения», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Урал», «Уральская новь», во II и III томах «Антологии современной уральской поэзии». Живет в Екатеринбурге.

Фонтан трясет кудрявой головой,
Накрыты столики, лоза ползет лениво,
Прикончен город язвой моровой,
Все умерло у желтого залива.

Здесь только запахи, не слышно Партенон,
Висит плечо строительного крана,
Глаза убийц из глиняных утроб,
Звезды ресницы — полдень, порт, путана.

Вагон фуникулера вновь завис,
Жара, мираж о жизни непрожитой.
Куда вам — вверх? А может, с нами — вниз?
Балконы, женщины, Неаполь, Dolce vita...

РАВЕННА

А Бедекер соврал: здесь был не я,
Не я кричал: «Огня! Подать огня!»,
Святые лица рассмотрел в люнетах
Не я — а незнакомый человек,
Мне время не подняло тяжких век,
Какая жалость, не случилось это!

Я был далеко — там, где тьма и тьма,
Томился страстью и сходил с ума,
А в это время юноша прекрасный
В далматике на скалах восседал,
Голубки окружили пьедестал,
И крест венчал тот купол восьмичастный.

Мозаика не любит яркий свет,
Но с нетерпением ждет: придет поэт,
Подкупит сторожа, зажжет во тьме черини
И озарит янтарный мавзолей —
Оленей, Пастыря, влюбленных голубей,
Весь Божий мир на каменной картине.

Над чашей плавно кружит стрекоза,
Под аркой — виноградная лоза,
Живая-мертвая вода нетороплива.
Успение. Равенна спит в веках,
Звезда неярко светит в облаках,
Пасутся овцы на траве лениво...

ЛОЖНОЕ СОЛНЦЕ

Пыль осени — листва — на мостовой танцует,
И пинии плывут в сплетенье синих рук,

Небесные миры, что ветер вертит все,
Невидимых осей вращаются вокруг.

С тех пор, как я ушел, тобой опустошенный,
В отстойный трупный яд сгущается неон,
Качаются, кряхтя, на площади колонны,
Холодную звездой глядит Паргелион.

Неискушенный свет льет божеское око —
Семиконечный сноп подкошенных лучей.
Моя любовь взалхлеб, ты далеко-далеко,
Вокруг мертвеет Рим, и я ему — ничей!

Заменой божеству — свет лампочки в торшере,
От пламенных речей — лишь сурдоперевод,
Страх тени и химер, огонь рыдает в теле,
Но, видимо, к утру погаснет и умрет...

* * *

Три пинии в подножье Палатина
Атлантами поддерживают свод.
Классическая римская картина —
Июльский форум на десятках фот.

Зачем нам селфи? Мы и так устали,
Зрачки блестят, чужой зеркаля взгляд,
Юпитер-солнце в бирюзовой зале
Глядит на смертных, чьи глаза болят.

Любовь, любовь... Есть на земле пустыни,
Как эта площадь: купидон в пыли,
Венера с Марсом, надпись на латыни,
Обрывки чувства, ветерок вдали.

Все умерло и навсегда забыто —
Любовь и смерть, развоплощенья час.
На выход. Лестница. Вот выставка. Закрыто!
«Печаль эротики» и подпись: Тинто Брасс.

НЕВОЗВРАЩЕНО

Памяти Льва Лосева

Уплыл колечком дыма пароход
На север, север — за двойные рамы.
Застрял и растворился в толще вод
Кофейный запах, вьедливый, упрямый.

«Есть много средств, чтоб уберечь тепло», —
Он говорил, цепляя нить спагетти...
Далекий год сквозь мутное стекло,
Стихи про Искию, а может, и не эти.

Какие женщины! Сходить бы за вином!
Но не казался сам себе фартовым...
А в зеркале, тирренском и стальном,
Качалось время мусором портовым.

Остаться здесь навечно и уснуть!
Проигнорировать настырного Борея!
Железная рука сдавила грудь,
Неон стекал в залив, как нефть, чернея...

* * *

Последний день. Язык прилип к гортани.
Arrivederci Roma! Новых встреч!
Стою отринутый, лишенный... Не настанет
Повторно Рай, не смог его сберечь.

Прозрачный свет, в пути обратном грезы,
В гризайли неба легкий ветерок,
Колоссы дремлют, не меняя позы,
Усвоившие вечности урок.

Гляди-ка: в куполе небесном приоткрылась
Фрамуга, створка, дверца — чудеса!
И ласточка летит — благая милость,
И «Benvenuti!» шепчут небеса.